

Глава 25. Снова на экзаменационном поприще, встреча с учителем (Часть 2)

В ночь на двадцать седьмое число Цзя Чжу и Линь Сююй улеглись спать слишком рано. Однако сон не шёл к ним: близость завтрашнего дня, когда должны были вывесить списки выдержавших экзамен, будоражила кровь и не давала сомкнуть глаз. В конце концов оба устали ворочаться, накинули халаты и сели на постели. Позвав служанку Лэнхэ, отдохавшую на кушетке в прихожей, они велели ей заварить свежий чай весеннего сбора «Минцянь».

Разговор, разумеется, зашёл о провинциальных испытаниях. Цзя Чжу поинтересовался у побратима, прикидывал ли тот свои шансы и на какое место надеется.

Сююй небрежно повёл плечом и без лишней скромности заявил:

— Непременно буду в пятёрке лучших.

— А если не попадёшь? — с лёгкой усмешкой спросил Цзя Чжу.

— Готов поспорить, — оживился Сююй. — Коли не окажусь среди пяти первых счастливицов, отдаюсь на твою волю. Поступай со мной, как пожелаешь. Идёт?

Цзя Чжу тихо рассмеялся:

— Раз ты так уверен в победе, какой мне смысл спорить? Лучше уж набраться терпения и дожидаться завтрашнего утра.

Сююй сделал небольшой глоток горячего чая и спросил:

— Ну а ты сам, Чжу-эр? На какое место метишь? Неужто в тебе нет желания побороться за первенство?

— У меня нет столь громких амбиций, — покачал головой Цзя Чжу. — Провинциальные экзамены — лишь ступень. Главное — получить право участвовать в столичных. А уж девятым я буду в списке, двадцатым или тридцатым — дело десятое. В былые годы случалось, что люди, едва протиснувшиеся в третьем десятке на весенних испытаниях, на дворцовом экзамене брали звание первого лауреата-чжуанюаня.

Сююй кивнул, соглашаясь с его доводами:

— И то верно.

Они вели неспешную беседу за чашкой чая до самой четвёртой стражи. Лишь тогда,

почувствовав приятную усталость, они легли и, обнявшись, крепко заснули до самого утра.

На следующий день, двадцать восьмого числа, все соискатели собрались в зале Чжигунтан, затаив дыхание в ожидании оглашения результатов. Успешно выдержавших испытание оказалось немного — всего семьдесят пять человек. Имена зачитывали с конца списка, начиная с самого последнего места. Работы тех, кто не успел завершить все сочинения, отсеивались сразу.

Сююй поначалу держался беспечно. Он не сомневался, что его имя прозвучит среди первых, и готовился ждать до победного конца. Однако, когда глашатай выкрикнул пятьдесят седьмое место, назвав некоего Линь Сюньюя, сердце юноши на мгновение пропустило удар от неожиданности. Имя незнакомца на слух почти не отличалось от его собственного. Лишь когда следом зачитали уезд и провинцию, Сююй облегчённо перевёл дух — это оказался совсем другой человек.

К тому времени, как глашатай дошёл до верхушки перечня, писец уже заполнил каллиграфической вязью почти весь огромный лист «Свитка победителей». Наконец огласили девятое место — им стал Цзя Чжу. Сююй же, как и предсказывал, вошёл в пятёрку лучших, заняв почётную третью строчку.

Первое место и звание цзеюаня досталось местному сорокалетнему книжнику. Услышав своё имя во главе списка, почтенный муж уподобился безумному Фань Цзиню из старой повести: он завопил от восторга и пустился плясать. Второе место — наньюань — по укоренившейся традиции занял выходец из южных земель.

Заметив, что Сююй недовольно насупился из-за упущенного первенства, Цзя Чжу тихо шепнул ему на ухо:

— Полно тебе. Новоиспечённому цзеюаню уже за сорок, он корпел над трактатами ещё тогда, когда ты под стол пешком ходил. То, что ты уступил ему самую малость, вовсе не повод для уныния.

Сююй лишь неопределённо хмыкнул в ответ.

Горечь поражения в этот день витала над толпой куда отчётливее, чем на недавних уездных испытаниях. Те, кто годами стирал локти о парты, читал при свете светляков и оттачивал слог до изнеможения, вновь оказались ни с чем. Сколько их, чьи надежды рассыпались в прах под гнётом очередного трёхлетнего ожидания? Глядя на их померкшие лица, Цзя Чжу невольно вспоминал сверстников из своей прошлой жизни, сломленных провалом на выпускных экзаменах. И впрямь, правы были поэты прошлого: «Три круга ада обращают в прах живых, два слова славы губят души молодых».

Вскоре молодые люди покинули присутственное место. Сначала они направились в поместье Жунго. Известие о том, что молодой господин Чжу занял девятое место, вызвало в доме бурю восторга — никто и думать не желал о том, что его результат слегка уступает успеху

побратима. Сююя осыпали изысканными поздравлениями и хвалебными речами. Впрочем, тот принимал любезности со сдержанной прохладой, всё ещё досадуя на упущенное первенство. Проведя у родственников полдня и отобедав, Сююй сел в экипаж и уехал к себе, чтобы обрадовать домашних новостью о третьем месте. О том же, какими пышными пиршествами оба семейства праздновали получение юношами почётных званий цзюйжэней, умолчим, дабы не затягивать повествование.

Надо признать, что на этих экзаменах Цзя Чжу не показал вершины своего красноречия, ограничившись добротным, ровным слогом. Но для его отца, Цзя Чжэна, и этого оказалось предостаточно. Обычно суровый и хмурый Второй господин теперь глядел на сына с нескрываемой гордостью, и то и дело мягко и благодушно улыбался. Поскольку почтенный Ли Шоучжун выступал на прошедших испытаниях созкзаменатором и, хотя не числился непосредственным наставником Цзя Чжу по экзаменационной палате, издавна поддерживал дружеские связи с Жунфу, Цзя Чжэн поспешил нанести ему визит вежливости, взяв сына с собой.

У ворот усадьбы Ли они передали слугам свои визитные карточки. Хозяин дома, желая подчеркнуть доверительный характер их отношений, распорядился проводить гостей прямо в свой внутренний кабинет. Едва переступив порог, Цзя Чжу почтительно поклонился Ли Шоучжуну, выказывая глубокую признательность за наставничество. Почтенный учёный с добродушной улыбкой принял приветствие и жестом пригласил юношу сесть подле отца.

— Результаты вашего сына весьма недурны, — начал беседу Ли Шоучжун. — Сам я не входил в комиссию его отделения, но должен признать: работа, которую выделил его непосредственный экзаменатор, отличалась изрядным изяществом слога. Пожалуй, если бы молодой барин не стремился столь рьяно к простоте и надёжности, его имя могло бы стоять в списке куда выше.

— Вы слишком добры к нему, братец Ли, — поспешил развести руками Цзя Чжэн, выказывая приличествующую случаю скромность. — То, что мой никчёмный сын сумел пробиться в списки, — исключительно заслуга и милость экзаменаторов. Вокруг столько истинных талантов, у каждого в груди сокровища мудрости, где уж моему оболтусу тягаться с ними на равных...

Ли Шоучжун шутливо погрозил ему пальцем:

— Ну полно вам приbedняться, дорогой друг! Мне довелось прочесть работу вашего сына. Знания у него глубокие, основательные, а слог восьмичленных сочинений выверен до единой черты. До меня доходили слухи, будто он обучался у самого Шао Чэнцзо. Это правда?

— Всё так, — кивнул Цзя Чжэн. — Господин Шао соблаговолил принять моего отпрыска в ученики, и тот постигал науки в поместье Линь под его чутким руководством. Мы лишь молили небо, чтобы сын не посрамил имя своего великого учителя.

— Теперь мне понятно, откуда взялась эта лёгкость стиля, — многозначительно протянул Ли Шоучжун. — Судьба господина Шао была полна превратностей и лишений, но по широте

познаний мало кто сравнится с ним в поднебесной. Беда лишь в том, что нрав у него излишне независимый, не признающий условностей нашего века. Он не пожелал мараться о чиновничью службу и никогда не искал благоволения знатных домов. Не окажи ему в своё время покровительство покойный господин Линь, он ни за что не остался бы в их усадьбе. Мало кто удостаивался его благосклонности. Насколько мне известно, помимо вашего сына, под его началом учился и старший молодой господин Линь, занявший ныне третье место. Да ещё второй молодой господин Хоу — наследник почтенного сунского гуна, любимый ученик Шао Чэнцзо. Признаться, даже я, прослужив в Академии Ханьлинь более десятка лет, при встрече с этим юношей могу лишь почтительно вздохнуть: истинно, молодое племя внушает трепет...

Цзя Чжэн согласно кивал, вежливо улыбаясь:

— Да, вы абсолютно правы.

— Впрочем, раз господин Шао снизошёл до обучения вашего Чжу-эра, значит, разглядел в нём недюжинный ум и грубую мощь, — добавил хозяин дома и перевёл взгляд на сидевшего поодаль юношу.

Цзя Чжу слушал старших молча, с кротким изяществом истинного книжника. Тонкие, благородные черты лица и безупречная осанка выдавали в нём редкое сочетание острого ума и внешней красоты.

Прежде, когда будущее Цзя Чжу на государственном поприще оставалось туманным, обе семьи лишь осторожно присматривались друг к другу, не спеша связывать себя обещаниями о браке. Теперь же, глядя на блестящие успехи юноши на двух последних экзаменах, Ли Шоучжун понимал: перед ним человек великой судьбы. Мысль о родстве с Жунфу казалась заманчивой и желанной как никогда. Вот только вмешался злой рок. Все в столице знали о недавнем гадании на песке, во время которого духи провозгласили: судьба Цзя Чжу отмечена печатью одиночества, и семейный союз принесёт ему лишь гибель. Противиться воле небожителей никто не решался, и в Жунфу мало-помалу вовсе перестали заводить разговоры о женитьбе старшего сына. Узнав об этом, семейство Ли могло лишь смириться с неизбежным. Ли Шоучжун невольно испустил тихий, полный сожаления вздох.

Пока отец рассыпался в ответных благодарностях, Цзя Чжу уловил едва слышный шорох шёлковых одежд, доносившийся из-за резной ширмы в глубине кабинета. Сомнений не оставалось: там пряталась какая-то женщина.

«Вот оно что, — подумал он, едва заметно усмехнувшись. — Теперь понятно, почему нас приняли в столь уединённом месте. Хозяин просто хотел дать своей родне возможность тайком разглядеть несостоявшегося жениха».

Интересно, была ли среди любопытных глаз сама Ли Вань? Цзя Чжу мысленно пожал плечами. Как ни крути, женщины его не интересовали, и связывать себя узами брака с девицей он не собирался.

«По крайней мере, у меня хватило совести избавить её от этой участи, — размышлял он. — Сумей я смолчать и позволь этой свадьбе состояться, несчастную ждала бы унылая жизнь подле равнодушного мужа, а то и горькая участь вдовы, как предначертано ей в прежнем мире. Пусть лучше выйдет за другого — любой супруг принесёт ей больше радости, чем я».

Разговор продолжался ещё некоторое время. Цзя Чжэн то и дело заводил речь о грядущих экзаменах, прозрачно намекая на то, что сыну не помешала бы поддержка влиятельных людей в учёных кругах. Ли Шоучжун в ответ лишь вежливо кивал и загадочно улыбался, не давая прямых обещаний. Спустя четверть часа гости начали прощаться. Ли Шоучжун лично проводил их до ворот усадьбы и вернулся в дом только тогда, когда повозка скрылась за поворотом улицы.

<http://bllate.org/book/18221/1759015>